

ВÓРОНЫ ЗА ИГРОЙ¹

Роуз Дебора Бёрд (а), Кук Стюарт (b) и Ван Дорен Том (с)

(а) Университет Маккуори. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Австралия.
E-mail: nomail[at]nomail.com

(b) Университет Маккуори. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Австралия.
E-mail: stuart.cooke[at]griffith.edu.au

(с) Университет Нового Южного Уэльса. Sydney NSW 2052, Австралия.
E-mail: thom.van.dooren[at]gmail.com

Перевод с английского: Тайсина Эмилия Анваровна, ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет". 420066 Россия, Респ. Татарстан, Казань, Красносельская ул., 51кД.
E-mail: emily_tajsin[at]inbox.ru

Аннотация

«Мы ехали через Долину Смерти, американо-австралийка и два коренных австралийца, по живописному маршруту из Лас Вегаса в Санта Крус».

Этот многоголосый отчет о множестве видов живых существ, встречающихся по дороге, есть некий интеллектуальный вызов шуточного и юмористического рассказа, который является вместе с тем очень серьезным и теоретически провокационным. Путешествия привели в такую местность, которую Донна Харауэй называет зоной контакта: сферой взаимного признания и реагирования. Территория контакта – это место важных вопрошаний: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем мы должны стать?» События были всем в этой экологии игры, в которой движения всех акторов включали материальное поле во всей его полноте: танцы приближения и отстранения, танцы, возникающие непосредственно, перефразируя Брайана Массуми, из динамического отношения между мириадами заряженных частиц.

Ключевые слова

Межвидовые штудии; Донна Харауэй; койоты; вороны

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Редакция Журнала Фронтирных Исследований выражает благодарность издательству UTS ePRESS и авторам за предоставление права на перевод и публикацию статьи Rose, D. B., Cooke, S. & Van Dooren, T. (2011). Ravens at Play. *Cultural Studies Review*, 17(2), 326-343. Doi: 10.5130/csr.v17i2.2224

RAVENS AT PLAY¹

Deborah Bird Rose (a), **Stuart Cooke** (b) и **Thom van Dooren** (c)

(a) Macquarie University. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Australia.
E-mail: nomail[at]nomail.com

(b) Macquarie University. Balaclava Rd, Macquarie Park NSW 2109, Australia.
E-mail: stuart.cooke[at]griffith.edu.au

(c) University of New South Wales. Sydney NSW 2052, Australia.
E-mail: thom.van.dooren[at]gmail.com

Translator: Emilia Anvarovna Taysina. Kazan State Energy University. 51kd, Krasnoselskaya str., Kazan, Tatarstan Republic, Russia, 420066. E-mail: emily_tajsin[at]inbox.ru

Abstract

‘We were driving through Death Valley, an American-Australian and two Aussies, taking the scenic route from Las Vegas to Santa Cruz.’

This multi-voiced account of multispecies encounters along a highway takes up the challenge of playful and humorous writing that is as well deeply serious and theoretically provocative. Our travels brought us into what Donna Haraway calls the contact zone: a region of recognition and response. The contact zone is a place of significant questions: ‘Who are you, and so who are we? Here we are, and so what are we to become?’ Events were everything in this ecology of play, in which the movements of all the actors involved the material field in its entirety. We were brought into dances of approach and withdrawal, dances emerging directly, to paraphrase Brian Massumi, from the dynamic relation between a myriad of charged particles.

Keywords

Multispecies studies; Donna Haraway; coyotes; ravens

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ The editors of the JFS are grateful to UTS ePRESS publisher and authors for granting the permission to translate and publish the article Rose, D. B., Cooke, S. & Van Dooren, T. (2011). Ravens at Play. *Cultural Studies Review*, 17(2), 326-343. Doi: 10.5130/csr.v17i2.2224

ДЕББИ: В ДОРОГЕ

Мы ехали через Долину Смерти, американо-австралийка и два коренных австралийца, по живописному маршруту из Лас Вегаса в Санта Крус. Долина Смерти является частью Пустыни Мохаве, которая простирается от Невады до Восточной Калифорнии. Был март 2009. Некоторые полевые растения стояли в цвету – в основном мальва и маргаритки. Полынь недавно уже завершила свою блистательную желтую феерию. Бабочки с крылышками в шашечку были повсюду среди полыни; через открытые равнины ярко-оранжевые бабочки привлекли наши взгляды; их блики венчали эту местность и нас. Их оживленная активность придала жизнерадостный заряд энергии стране, краски которой тяготели к строгой и впечатляющей гамме цветов песка, глины и шалфея, прошитых пятнами зеленого и серебряного. Том вел машину, а я была рада отдалиться гипнозу.

Мили и мили по заросшим равнинам, и всегда мы были окружены выгоревшими складчатыми горами, и всё время что-то происходило. Если это были не бабочки, то значит, сильнее изменялась местность. И время от времени появлялись другие живые существа. Два ворона низко летели над зарослями по правую руку от нас, один сталкиваясь с другим повыше в воздухе. Мы с любопытством рассуждали о весеннем времени в этой долине, о гнездах, игривых толчках и оживленных столкновениях. Мы ехали, и мы уехали, прежде чем могли сделать что-то больше, чем поглядеть и порассуждать.

Затем мы увидели знак, изображающий человеческую ладонь и пёсью пасть. Пересекая эту иконографику, изображающую кормление, там был круг и поперечная линия, означавшая «нельзя». Они говорили о койотах или ночных лисах? Водились ли там дикие собаки? Они имели в виду только то, что мы не должны кормить их с рук, или предостерегали, чтобы мы не делились пищей с животными вообще? Очень скоро мы узнали, что знак не был поддельным. Машина впереди нас остановилась, и когда она снова двинулась, мы увидели, что к ней приблизился койот. Теперь настала наша очередь. В самом деле, по середине дороги передвигался койот, не то чтоб не замечая нас, но, напротив, довольно явно желая, чтобы мы подтянулись. Мы остановились, точно так же, как сделала машина до нас. Стюарт и я вышли на гудрон шоссе с нашими камерами, и койот виляющей походкой направился к нам, глядя на нас, широко раскрыв пасть, часто останавливаясь, чтобы мы сделали фотографии. Он подошел близко, возможно, на пару метров от передней части

машины. Уши торчком, хвост низко опущен, тело выражает доверие, а пасть, когда не широко открыта, спокойна и беззлобна. Конечно, разинутая пасть могла бы быть проявлением агрессии, но в то время она говорила мне: «еды» (Lehner, 1978). Все мы – и люди, и койот – держались на почтительном расстоянии друг от друга.

Стремление покормить его было всепоглощающим, но наша группа не пришла к полному согласию. Стюарт резонно и чутко указывал на отсроченные последствия вступления в отношения, которых мы не смогли бы поддерживать. Но я очень хотела оставить ему еды. Я была совершенно очарована возможностью побыть так близко к койоту. Ребёнком в Вайоминге я слышала, как они шумят, но никогда не сталкивалась нос к носу. Я хотела дать еды в знак благодарности – как дар именно этому парнишке, его жизненному выбору, его открытости случайной встрече. Стюарт сказал, что это ужасно безответственно, и что в долгосрочной перспективе в этом подарке не будет ничего щедрого. Мое сердце разрывалось, я спрашивала себя, не потворствовала ли своим собственным желаниям, или же существовала этика дарения, которая могла бы быть уместной в данном контексте. «Дар» Марселя Мосса обрушился на «гостеприимство» Жака Дерриды в моем желании придумать мгновенную отповедь в ответ на уверенность Стюарта.

К тому времени прибыла другая машина, и «конъюнктурный утилизатор», как его называют в технической литературе, койот, двинулся дальше, чтобы остановить другую группу, без сомнения, повторяя свой репертуар встречи и обращения.

Мы уехали, беседуя о работе Донны Харауэй, посвященной неожиданным встречам в мультимедийных средах. Мы возвращались с большого совещания и направлялись в Санта-Крус на семинар с Харауэй, Анной Цинь и их коллегами. Работа Харауэй была свежа в нашей памяти. Она доказывает, что уместным этическим вопросом, касающимся людей и животных, может быть такой: хотят ли они включаться в коммуникацию и взаимное реагирование, и с какими последствиями для кого? Мы не сомневались, что к нам обратились; то, что мы не смогли полностью договориться о соответствующем ответе, также имело значение. Мы предположили, что койот был накормлен, потому что знак предупредил нас, что он мог бы быть. Мы были странниками в материально-семиотическом поле, которое включало знак, дорогу, машину, койота и страну. Поле моей встречи включало мое воплощенное я: существо из материальной плоти, которое жаждало сделать подношение трепещущей жизненности этого храброго существа.

Я понимала, что разные люди будут по-разному встречать этого койота. Наша доброжелательность не собиралась распространяться на всех. Когда я был ребенком, эти существа назывались кай-оутами (в рифму с рангоутами), и этот термин часто был полон неуважения. Их считали душегубами овец, и ненавидели. Как я позже узнала, по всей Северной Америке койотов стреляли, травили, ловили, обманывали, заманивали в ловушки и мучили. У них была густая шерсть на темени, и, как известно, в период с 1916 по 2007 год шесть с половиной миллионов койотов были убиты. В 2008 году было убито девяносто тысяч. Большинство из этих убийств были по распоряжению скотоводов (Fox, 2009) (Fox & Parouchis, 2005). Хотя в то время я не думала об этих фактах, неотвязчивым воспоминанием стала наша недавняя встреча с женщиной позади на дороге. Там шли дорожные работы, и она держала в руках знак с указанием остановиться. Еще один знак предупреждал нас, что мы можем прождать минут двадцать, поэтому я вышла из машины, чтобы поболтать с ней. Предмет охоты приблизился к нам, и она сказала мне, что ее заветная цель в жизни состоит в том, чтобы сделать «пыльник» для себя из шкур койотов, которых она подстрелила¹.

О чем думал этот парнишка на дороге? Койоты наверняка должны знать, что некоторые люди – убийцы, так же, как они должны знать, что большинство людей не убивают койотов. Этот парень, казалось, думал, что местность была безопасна; что в национальном парке его не застрелят хладнокровно. Однако даже здесь он в конце концов может оказаться слишком близко или укусить руку, которая была настолько глупой, чтобы приблизиться к его пасти. Он может затормозить грузовик с вооруженными людьми и накликать на себя смертоносный ответ от негодаев. Или он сам может приобрести репутацию мошенника и стать подходящей мишенью. Что мне понравилось, так это его дерзость – его отважный и уверенный выбор: открыто приближаться к машинам и обращаться к людям, чтобы инициировать встречи в том месте, что Харауэй называет зоной контакта: сферой признания и реагирования. Мы знали, что находимся в богатом пространстве. Мэри Луиза Пратт писала о зоне контакта как о месте межкультурной встречи, связывая ее с дневниками путешествий, колонизацией, признанием, обменом и динамикой власти (Pratt, 1992). Джеймс Клиффорд, еще один коллега из Санта-Крус, которого мы надеялись посетить, также работал с этим термином в контексте путешествий, столкновений и власти (Clifford, 1997). Харауэй помещает анализ зон контакта в мультимедийные

¹ Длинное свободное пальто.

царства и ставит важные вопросы о воплощенном, укорененном становлении: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем мы должны стать?» (Haraway, 2008, p. 221).

Лицом к лицу с койотом мы столкнулись с большой неопределенностью, и пока что оставили это как есть. Мы знали, что койоты являются ловкачами – и даже демиургами в некоторых космологиях североамериканских аборигенов, и мы думали, что парень, которого мы встретили, был чарующе, почти неотразимо умен. Его обращение к нам поднимало замысловатые вопросы о возможной реакции, и мы хотели подольше поразмышлять об этой встрече и о переплетенных жизнях людей и койотов. Однако прежде чем у нас нашлось больше возможности проделать это, мы были втянуты в столкновение с другими; с воронами, если быть точным, – соучастниками и известными соратниками койота в истории и экологии этой земли.

СТЮАРТ: ИГРА НА «ПЕРЕМЕТНОЙ СУМЕ КОЙОТА»

Мы направлялись на север через Долину Смерти, стремясь добраться до последнего кемпинга в парке. Когда мы приехали, мест уже не было. Единственный вариант, казалось – продолжать ехать на север, где мы надеялись найти подходящее место, чтобы спрятать машину и разбить лагерь на ночь. Мы планировали остановиться у кратера под названием Васо.

К тому времени, когда мы прибыли, было уже поздно, и нити солнечного света развеивались в остывающем воздухе. Перед нами лежал Васо огромным, темным жерлом. Мы вышли из машины, и порывистый ветер растолкнул нас в разные стороны.

Я поднимался к кольцу кратера. Слева от меня – зев; справа от меня расщелины, как черные шрамы, простирались до дна долины. Я пробыл в машине слишком долго и хотел размять ноги. Податливая земля под ногами; я, вероятно, взбирался по обсидиановой песчаной дюне.

Слышно было, как ветер веет вниз по долине к её устью. Кратеру Васо было всего две тысячи лет, но Тимбиша Шошоны считали его местом творения, известного как «Переметные Сумы Койота». Согласно знаку, это было место, «где люди возникли, чтобы распространиться в четырех направлениях по всей земле». Другими словами, это было место, где койот, самый хитрый из существ, собирал вещества, чтобы они могли объединиться и найти новые формы в последующих созданиях.

Взбираясь к краю, я стал замечать, как появляются и другие кратеры. Три, четыре или даже пять (не помню сейчас) извержений взметнули ударными волнами сухую почву, которая потом застыла и вскоре начала выветриваться. Несмотря на эти в некоторой мере предсказуемые, неловкие моменты ретроспективного переживания возвышенного, и благоговейного страха, который за этим последовал, я начал думать о том, как возникло пространство, чтобы наступили эти моменты. Не считая нас, вокруг Васо почти не было людей, но так было не всегда. Где были тимбиша шошоны? В конце концов, именно их выселение из этой страны позволило колонизирующим державам, а позже и таким туристам, как мы, следовать по их тропам. В 1933 году Служба национальных парков приказала им удалиться, – это было частью создания Национального памятника Долины Смерти (Tribe, 2009), – попытавшись разорвать невообразимо сложный ансамбль отношений между людьми и остальной этой местностью. Плотная населенная и богатая наречиями, она была закрыта федеральной политикой. Свидетельством прочности этих отношений является то, что шошоны решительно сопротивлялись исключению из федерального законодательства, пока в 1983 году племя не получило признания, а в 2000 году значительную земельную базу в соответствии с Законом о Родине Тимбиша. Однако ничего из этого информация на указателях парка не предоставила (нам пришлось зайти на собственный сайт народа шошонов, чтобы найти ее).

Я оглянулся: Том был маленькой черточкой на большом расстоянии; и я не знал, куда делась Дебби. Несмотря на то, что вот так бродить по округе было интересно, желание вернуться, сесть и поговорить об этом месте мало по малу росло. После погруженного уединения явилась податливая тяга к обществу. Я быстро стал спускаться по седловине между Васо и одним из его меньших кузенов.

Так, рысью вниз по песчаному уступу кратера... Я пропустил Тома на обратном пути, и теперь, где-то позади, он следовал за мной.

Вдалеке я заметил другую машину, припаркованную рядом с нашей. Я не мог видеть владельцев, но внутри были заперты два гавкающих кокер-спаниеля, бьющихся и сияющих пушистым золотом в последних солнечных лучиках. Когда я приблизился к ним, я вскоре понял, почему они так возбужденно-активны. Прямо рядом с машиной, стоящей на желобе, были два громадных ворона.

Вороны были неподвижны и черны, как самая плотная тяжесть. Они были покойны, как мудрецы, и отлично справлялись с тем, чтобы не замечать рычащий, пенный хаос из меха и зубов повыше, с

другой стороны окна машины. Мне показалось, что обе собаки отдали бы *всё*, чтобы пробиться через это стекло и начать преследование мелких нахалов по горячим следам на дороге внизу! Я хохотнул. Не было причин не посмеяться.

Но, смеясь, думаю, я забыл о себе. Я хотел, чтобы вороны узнали, что я оценил их поведение. Я приближался к ним со всем доброжелательством, какое один испытывает к другому, тому, который заставил его смеяться, думая, что, возможно, мы все вместе примем участие в забаве. Теперь я был всего в нескольких шагах от них; светлые отблески на их глазных белках были единственными признаками, которым удалось выделиться среди темных масс. Я сказал им что-то; ответа не последовало. Я сделал еще один шаг поближе.

Совершенно синхронно оба ворона отскочили на шаг. Собаки заголосили на октаву выше; вороны подскочили к переднему колесу машины и теперь почти не были видны собакам.

Я сделал еще один шаг к ним; они оба отпрыгнули одним коротким неуклюжим скачком еще на шаг.

Я сделал и еще один шаг; они прыгнули еще дальше. Они продолжали вести меня так же. Пространство между нами совсем не увеличивалось, но оно ни разу и не уменьшилось. Они как бы удерживали меня невидимым шестом.

Снова прыг-скок; теперь мы приближались к краю кратера, а машина и обезумевшие собаки остались позади нас. Я понимал, что со мной играют, и был полностью вовлечен в эту игру. Их загадка продолжала призывать меня, – вот это их решение сохранять дистанцию. Здесь таинственное было внутренне-необходимым и управляемым; тишина давно исчезла. То, что представлялось уединенным, трансцендентным чувством возвышенного перед огромной пропастью кратера было развлечено и рассеяно действиями двух шутников. Не промышляли ли вороны и койоты бок о бок? Охотник, разрывающий вскрытую плоть, оставляя остатки мусорщику; падальщик, легко ступая, обходящий следы охотника.

Я посмотрел назад. Я хотел поделиться этим с кем-то. Том приближался, улыбаясь. Теперь, имея аудиторию, я стал упорствовать. Я медленно шел к ним; вороны продолжали подсакивать и подпрыгивать. Я подошел к краю кратера, и они перепрыгнули через его границу, в сторону крутого обрыва. Ветер рвался из темной утробы Васо и разбивался о мое лицо холодными волнами. Я видел, как Том боролся с ним. Он был уже как там, на кромке, когда это случилось.

Они распахнули крылья. В одно мгновение они снарядами взлетели вверх вместе с ветром, чтобы закручиваться и кружиться над нами.

Хлестнул ветер, ринулся в небо. Он взрывался ударами и бросками. Но вороны, прямо над нами, спокойно кружили, прежде чем повернуться и спуститься двумя четкими линиями обратно на свои места на крутом обрыве.

Снова они раскрыли свои крылья, чтобы их подбросило. Вверх, как два выстрела. Они танцевали и скользили в угасающем полусвете. И снова они накренились к кратеру и спустились, элегантные как ножи, и осторожно примостились на край утеса. Я не знаю, сколько раз они оставляли нас внизу, когда вороны взмывали вверх, а затем приземлялись, драпируясь в эту семантическую функцию «Снова...»

Когда Дебби вернулась со своего насеста где-то внизу на боку кратера, мы забрались обратно в машину и уехали. Однако для воронов игра еще не закончилась: мы уезжали с того места, они следовали за нами и продолжали кружить над нашей машиной.

Позже, когда мы говорили об этом, нас поразило происхождение этого «снова», этого повторения. Где это началось? Как это я, а затем и Том, были втянуты в игру воронов? Что привлекло всех нас троих под шатер игры, когда вороны начали кружить над нашей машиной, уезжающей от кратера? Что нас поразило, так это сложность с точным указанием начала события или основного действующего лица в нем. Мы с Томом не были вовлечены с воронами в связь один-на-один; игра была не просто о нас и о них. Скорее, их игра происходила в очень сложном материально-семиотическом поле и как реакция на него.

Конечно, там еще были собаки, заключенные в машине как в ловушке. Но шалость возникла не просто потому, что вороны возбуждали собак, а потому, что собаки были *заперты* в машине *рядом* с воронами. Другими словами, осведомленность воронов относительно прочности стали и стекла позволила им стоять на расстоянии менее метра от двух крупных собак, не опасаясь за свою безопасность. Потом там был еще громкий, злобный лай собак, уж точно достаточный, чтобы вызвать беспокойство даже самого крупного животного. Вороны не уходили; наоборот, казалось, они были вполне довольны этим звуком, пока я не пришел. Они что, наслаждались им? Они его старательно добивались?

Мы уже видели, как они отреагировали на двух человеческих актеров в этой истории, которые образовали другие, более плотные элементы в данном материальном поле. Подобно тому, как сталь и

стекло автомобиля обеспечивали воронам защитный барьер между ними и собаками, их отскакивания от моих продвижений обеспечивали аналогичную защиту. В то же время, однако, они казались одинаково независимыми от вторжения двух людей; их решимость оставаться на минимально *возможном* расстоянии от нас, а не улететь в другую часть парка, предполагает не только храбрость, но и глубокое знание биомеханики человека (нашей скорости), а также уверенность в своих навыках (их способности скрыться). Как будто мы участвовали в чем-то вроде сценария, когда проследовали за ними к краю кратера, а они прыгнули в последнюю главу ткани этой истории – ветер.

Конечно, этим не завершилось. От машины с собаками до края кратера и до кружения над нашей собственной уезжающей машиной их игра продолжалась. В любой момент они могли потерять интерес к нам и лететь дальше, но они этого не сделали. Таким образом, был выявлен еще один элемент их игры, её *юмор*: что-то в их встрече с этим сложным полем собак, стали, людей и ветра, должно быть, заставило воронов *продолжать* свою игру. И нас также. Казалось неверным предположить, что даже вороны были главными действующими лицами в этой занятой истории. Опять-таки, трудно точно указать, с чего начать объяснение. Есть ощущение, что с первой сентенции любого объяснения мы определяем пункт происхождения объяснения. И все же первый звук первой буквы первого слова сам по себе является не более чем связующим звеном в бесконечной цепочке аффектов. В сложном материально-семиотическом поле слово похоже на удар молнии. Он не напоминает, не представляет и не воспроизводит заряженное поле, из которого возник. Он не конформен и не соответствует ему. Скорее, он имеет свою собственную интенсивность, свой собственный способ существования, который, в свою очередь, порождает дальнейшие аффекты. Слово является *кульминацией* всех зарядов; оно разыгрывает или представляет интенсивность поля (Massumi, 2002).

Возьмите кратер Васо. Две тысячи лет назад его извержение стало кульминацией тысяч расплавленных геологических ярусов (историй) из недр Земли. Интенсивность этой кульминации была потом разыграна в рассказах о переметной суме койота. Здесь нет начал, потому что каждое происхождение отливается в бесчисленное множество других форм. Материальное поле запутано и сложно, оно перемежается дыханием, вокальными ритмами.

Дыхание, безусловно, является ритмом этой истории. Когда ветер рванулся вверх, взмывая вдоль ребер кратера, чтобы поднять воронов

в воздух, их последующий взлет заставил нас с Томом вдохнуть, быстро и резко, тот же воздух. Наши легкие наполнились, и тут последовала наша речь: «Эй, ты видел это?»; «Неимоверно, правда?». Истории рассказываются на *дыхании* говорящего. Когда Переметная Сума Койота вдохновила те первые вдохи, чтобы рассказать те первые истории, тогда ветер из легких кратера продолжил создавать историю. В день нашего посещения линии полета воронов сквозь дыхание кратера вызвали *нашу* первую речь. Другими словами, Васо, место творения, продолжало создавать истории. Удар молнии – это дыхание речи – сохраняется в нервах человеческого глаза. Брайан Массуми говорит нам, что вспышка света переходит «от автономного выражения в содержание тела и в жизнь» (2002, р. 25).

Именно потому, что мы были внимательны к пляшущим нитям игривого повествования воронов, мы сами смогли присоединиться. Отчаянное расстройство собак. Невидимый шест, управляющий баржей. Событие было всем. До него или за ним не было особого агента, который заставлял его развиваться. Это было автономное занятие. Движения его акторов включали материальное поле во всей его полноте. Оно было нелокализованным, непосредственно принадлежа динамическому отношению *между* мириадами заряженных частиц (2002, р. 24).

ТОМ: ЭКОЛОГИЯ ИГРЫ

Мы разбили лагерь чуть дальше по тропе, мы трое и наша машина, спрятанная среди пустынных дюн из опасения, что нас могут накрыть рейнджеры. Ночь была слишком холодной для разговоров, и звезды, вместе с повторяющимся промельком чего-то вроде крошечных летучих мышей, в основном занимали наше внимание. Утром мы поехали дальше, к парку древних бристлеконских сосен, разбили лагерь на снеговой границе, а на следующее утро направились на север и, наконец, добрались до бревенчатой хижины в Сьерра-Неваде, окруженной снегом глубиной около фута и предлагавшей теплый душ, открытый огонь и столько горячего шоколада, сколько мы могли выпить. Приют Сёренсена был приветливым местом: голова лося на стене в фойе представляла собой пластиковую восторженность, а ель и другие деревья были украшены цепочками огонечков в форме сосновых шишек. Перед камином мы снова начали размышлять о том, что может значить играть – и быть вовлеченными в игру – с врановыми, и, как Дебби все время напоминала нам, стать адресатами койотов.

Как и на протяжении всей нашей поездки, на просцениуме наших мыслей была последняя книга Харауэй «*Когда встречаются виды*». Игра, которая является предметом ее обсуждения, в основном ведется «группами» из двух участников; она и ее овчарка Кайенна, другие люди и собаки, а также это удивительно изобретательные отношения между собакой по имени Сафи и осликом по имени Вистер. Она обрисовывает в общих чертах такую игру, в которой центром является *доверие*. В ней два живых существа встречаются и успешно сообщают друг другу, что они играют. Таким способом движения и поведение из других контекстов могут быть использованы в качестве метакоммуникации, которая потенциально может привести к игровым взаимодействиям; например, когда собака изгибается «игровой дугой», она сообщает этим, что укусы и другие грубые поступки не следует воспринимать как агрессию (Haraway, 2008, p. 240) (Bekoff & Byers, 1981) (Bateson, 1973). Содержательное описание Харауэй показывает, что этот вид игры может быть успешным только тогда, когда партнеры понимают друг друга и доверяют друг другу. В контексте соревнований с Кайенной в подвижных видах спорта, Харауэй утверждает, что когда это работает, тогда возникает своего рода синергия, высокий градус совместного «достижения» в действии. Таким образом, игра может предоставить раскрытие для переделывания значений, правил, возможностей и, в конечном счете, самих игроков. «Игра делает открытие. Игра предлагает» (Haraway, 2008, p. 240).

Но это была не та игра, в которой мы принимали участие у кратера Васо. Для этих воронов, которые, как говорят нам наши любительские орнитологические познания, были *Corvus corax*, *вороны обыкновенные*, – доверие между участниками было гораздо менее важным, чем те составляющие, которые мы определили как отвагу, знания, мастерство и юмор. Здесь игра была не в том, чтобы доверять друг другу, а в том, чтобы осмеливаться быть игривым с другими, которых толком никто не знает, и которые (как в случае с собаками) могут захотеть съесть вас. Вместо «открытия», в котором два или более существ «достигают чего-то» вместе, эта игра воронов была пронизана глубоким чувством неведомого, отдаленного и таинственного. Мы подумали, что в этом пространстве незнаемого произошло нечто весьма глубокое.

Нам пришлось вернуться к знаменитому эссе Грегори Бейтсона об игре, которое напомнило, что одно из самых сложных метакоммуникативных событий происходит, когда и без того сложное утверждение «это игра» превращается в еще более сложный вопрос

«это игра?» (Bateson, 1973, p. 155). Именно диалектика этих двух предложений – вопроса и утверждения – превращает ограниченную единицу самой мета-коммуникации («это игра») в игру. Что нас очаровало в той реальной встрече, так это то, что нам не нужно было знать, аналитически либо этологически, какие именно сигналы существовали для того, чтобы узнать, что игра предлагается, чтобы дать наши собственные ответы и обнаружить, что игра возникла. Мы не эксперты по врановым, но нам кажется вероятным, что подпрыгивание или подсакивание – это метакоммуникативный игровой сигнал. Это жест по направлению к полету (в обоих смыслах этого термина); продвижение, которое является одновременно достаточно большим, чтобы убереечь ворона от (непосредственной) опасности, и в то же время достаточно маленьким, чтобы пригласить наземного последователя. Это движение, которое говорит: «это движение обозначает полет, и в то же время не обозначает полет». Его можно понимать как утверждение «это игра»; и в то же время оно ставит вопрос «это игра?» Стюарт мог бы ответить сигналом «это не игра», прицелившись в воронов и заставив их улететь, или вообще игнорируя их. Тем не менее, он решил подтвердить: «это игра», сделав шаг, а затем остановившись, чтобы посмотреть, что будут делать вороны дальше. Они ответили дальнейшей игрой, и Стюарт, наслаждаясь, с огромным удовольствием сделал то же самое.

Посреди всего этого спектакля интересно вспомнить, что ворону не чуждо пространство секретов. Во многих культурах считается, что врановые когда-то имели оперение белого или ярко окрашенного цвета и к тому же, возможно, мелодично пели. Некоторые легенды рассказывают, что в результате возвращения света или огня людям ворон дочерна обгорел и потерял свой прекрасный голос (Sax, 2003, pp. 44–45, 83–84, 99–100). Но сверкающие голубые, пурпурные и зеленые краски, которые сияют на крыльях воронов, когда на них падает свет, совершенно верно, напоминают нам об этом даре и о прошлом ворона. Так что, возможно, и не удивительно, что в игре воронов существует какая-то загадка, некая разобщенность. Кажется, что, хотя они часто играют рядом друг с другом – участвуя в изобретательном полете и любопытно-игриво исследуя разные неодушевленные предметы, и даже копируя шуточные действия друг друга, – вороны много реже играют непосредственно *друг с другом* – то, что этологи называют «социальная игра» (Ficken, 1977, p. 578) (Heinrich, 2006, pp. 280–294). Но миры на кону в игре воронов, тем не менее, в высшей степени социальны. У кратера Вачо нас втянули в контакт, знакомство и формирование *мультивидовых* сообществ. И

так, в то время как мы явно были активными участниками игры с воронами, эта разобщенность помогла создать отчетливое впечатление, что нами в некоторой степени также «играли». То, что отмечает разницу между игрой с тобой («как с игрушкой») и подлинной игрой – насколько между ними может быть проведена твердая граница – это готовность и способность *игриво* реагировать на продвижения другого. Это требует внимательности и знания других, хотя бы для того, чтобы знать, когда вас приглашают играть, а также искусного изучения тех действий, которые могут или не могут быть уместными или безопасными. Необходима и смелость, когда не вполне контролируешь или даже по-настоящему не знаешь другого, но всё равно играешь, – как и чувство юмора. С учетом всего этого, может быть, актуальный вопрос для мультимедийных отношений таков: могут ли люди играть? Есть ли у людей умение, смелость, юмор и *готовность* предаться неопределенности и радости неожиданной встречи?

Возможно, для воронов, подобных тем, у кратера Васо, это не имеет большого значения. Они будут продолжать играть независимо от того, включимся мы или нет. Если некоторые люди не справляются с этой задачей, вполне вероятно, что они просто найдут других, более смелых и умелых, которые помогут провести время. Их игра на самом-то деле не для того, чтобы узнать друг друга. Она не наслаивается на статичный, уже существующий мир, а скорее глубоко проникает во взаимозависимое становление всех вовлеченных. В конце концов, игра не есть просто излишек активности. Этологи говорят нам, что существует много разных видов игры и что они, вероятно, развивались независимо у млекопитающих и птиц (Ficken, 1977, p. 580). В их изложении, как и во многом в биологии после Дарвина, игра играет эволюционную функцию. Именно благодаря игре птицы (часто подростки) получают представление о своих телах и ветре, развивая важные навыки как для выживания, так и для того, чтобы с готовностью убивать других во время охоты. Вороны, парящие в ветрах места сотворения мира, призывают быть внимательными к этим экологическим аспектам игры. Они напоминают нам: чем бы еще ни была игра, она также часто ведется на пересечении жизни и смерти; она глубоко врезана в длинные истории коэволюции и мультимедийные сообщества, которые сегодня превращают пустыню Мохаве в то, что она есть. Таким образом, игра происходит не только *внутри* поля взаимодействия; в некоем важном смысле это также заряд, который генерирует это поле и систему связей, которые его составляют. Здесь игра связана с формированием

полезных отношений, а также с адаптивностью; это «важно для обучения и развития поведенческой гибкости» (Ortega & Bekoff, 1987, p. 339). В этом контексте интересно отметить, что врановые, и, в частности, Ворон Обыкновенный (*Corvus corax*), обладают самой сложной птичьей игрой, что признается по крайней мере некоторыми людьми. «По мере того, как ворон развивает корректировку и гибкость поведения посредством игры, он потенциально становится способен обитать в гораздо большем диапазоне сред, чем птицы, поведение которых менее пластично» (Ficken, 1977, p. 578).

В игривом поскоке воронов, в распахивании их крыльев восходящим потокам творения, даже в том, что они дразнят собак, запертых в машине, на карту поставлен весь мир. Все мы, кто может захотеть играть с воронами, или те, с кем можно просто поиграть, вовлечены в действие конститутивным образом. Но то же самое относится и ко всем тем, кто живет рядом с воронами, – что, учитывая их адаптивность и разнообразие (особенно в условиях окружающей среды, «нарушенной человеком»), включает большинство наземных экосистем.

Адаптивность имеет последствия. Успех воронов часто накладывал ограничения на жизнь других. Там, в Мохаве, где мы играли, адаптивность воронов имела разрушительные последствия для находящейся под угрозой пустынной черепахи (*Gopherus agassizii*). Мы впервые столкнулись с этими черепахами несколькими днями ранее благодаря знаку в государственном парке «Долина огня» в Неваде, куда мы сбежали от оглушительной какофонии Лас-Вегаса. Популяции черепахи испытывают серьезные проблемы на всем протяжении Мохаве по ряду причин, включая нападения хищников, болезни и нарушение среды обитания человеком. Вполне вероятно, однако, что одна из этих причин имеет острый клюв и черные крылья. Ученые, работающие с Геологической службой США, считают, что за последние двадцать пять лет:

популяция Ворона обыкновенного в западной пустыне Мохаве резко увеличилось на 1500 процентов... в ответ на постоянно пополняемые запасы продовольствия и другие ресурсы, которые развитие человека сделало доступными для них в условиях, в ином случае слишком суровых для поддержания большого числа воронов. Адаптивность и разнообразные модели хищничества и утилизации, доступные воронам, позволяют им воспользоваться преимуществами изменяющихся экосистем, но в то же время оказывать огромное давление на виды хищных животных, которые могут быть с большей легкостью приведены к вымиранию (USGS, 2003).

Молодые пустынные черепахи, чьи панцири все еще мягки, уязвимы для острых вороновых клювов.

Рисунок 1. Уильям И. Борман: проколотый вороном панцирь молодой черепахи (USGS, 2003)

В этом контексте игра связана с совершенно иным «открытием». В изменяющихся экосистемах Мохаве борющаяся пустынная черепаха знает, что игра воронов – это больше, чем невинное удовольствие.

ДЕББИ, СТЮАРТ И ТОМ. СМЕРТЬ В ДОЛИНЕ

Мы отправились в Санта-Крус, думая о гибели и рассеивании. Черепахи не были единственными жертвами здесь. Стремясь уменьшить влияние воронов на других, Бюро по управлению земельными ресурсами (BLM) постоянно пытается ограничить их популяцию в Западной Мохаве с помощью как летальных, так и не-летальных средств. К не-летальным методам относится сокращение доступа воронов к отходам и водным ресурсам, которые были завезены в регион в результате увеличения числа людей. Эта ситуация четко обрисовывает антропогенную природу данного кризиса. Однако отравление и отстрел также применяются, и они остаются компонентами внутренне противоречивого плана BLM по восстановлению пустынной черепахи. Точно так же койоты, которых *массово* убивали и продолжают убивать, теперь являются предметом инициатив, направленных на защиту их жизни и на то, чтобы помочь людям научиться сосуществовать с ними. Такие методы «поиска и уничтожения» для заселения и управления землей не ограничиваются

действиями за животных и против них. Коренные американцы также пережили историю, шокирующе похожую на истории некоторых из этих животных, которых поочередно презирали, разгоняли, а впоследствии их попросили вернуться и стать участниками новых зрелищных видов в парках.

Запутанные судьбы многих видов, движимые зигзагами антропогенной деятельности, включая запланированные и незапланированные последствия политики и тактики, были в центре нашего внимания; мы планировали провести семинар в Санта-Крус, на котором были бы рассмотрены некоторые из этих вопросов в контексте темы исчезновения видов. Харауэй написала, что когда мы относимся к миру с полным осознанием существования более крупных мультивидовых живых сообществ, мы вынуждены «поставить всё ради некоторых образов жизни [и смерти], а не каких-то других» (Naraway, 1997, p. 36). Думается, это была прекрасная возможность выявить ее взгляды на койотов, кормление и игру. Она была еще более пылкой, чем Стюарт: предлагать еду означало бы смертельный риск для койота. Приучать его к человеческим предложениям пищи было бы формированием опасно неустойчивого партнерства между человеком, ненадежным распределением человеческой пищи и койотом.

Но даже если люди находятся вне этой картины, возможности мультивидовых сообществ как в отношении запаса продуктов питания, так и для социального взаимодействия, которые открыты для койотов, вовлекают множество игроков и форм игры. Врановые часто играют с койотами, а также с собаками и волками. Основная игра – резко спикировать и спровоцировать их на погоню. В других случаях птицы даже преследуют псовых или по очереди гоняются друг за другом (Ficken, 1977, p. 577) (Sax, 2003, p. 26). Иногда это делается просто для удовольствия, но в других случаях еда тоже важна. Вороны и койоты симбиотичны в своих поисках еды. Адольф Мюри пишет о своих наблюдениях: «Они заинтересованы в действиях друг друга; ворон наблюдает за койотом, а койот следит за вороном. Если кто-то нашел источник пищи, к нему рано или поздно обязательно присоединится другой» (Murie, 1940). Высота полета воронов позволяет им предупреждать койотов о приближающейся опасности. Охотничьи способности койотов и возможность вскрывать туши приносят пользу воронам. Поэтому у игры, безусловно, есть целевое намерение – придать игривость серьезной работе, участвовать в метакоммуникации, совместно «исполняя репертуар», поддерживая договор.

В этом сближении ворона и койота появляется любопытная граница между игрой, которая основана на постоянных доверительных отношениях (как описала Харауэй), и игрой между незнакомцами, в которых мы принимали участие возле Васо. Возможно, эти вороны и койоты не то чтобы изображают *доверие*, а скорее проверяют возможности случайной встречи. Задавая вопрос о том, какую роль играет игра для этих видов жизни и в создании ассоциаций из целых миров, трудно и, кажется, нет необходимости проводить жесткие и непроходимые границы между игрой и охотой. Возможно, в переплетенных программах и мотивациях, которые соединяются, когда встречаются виды, взаимодействия не могут быть организованы в бинарные категории, которые ставят игру и охоту или доверие и подозрение в противоречие друг с другом. Жизнь и смерть, игра и бросок хищника – все это возможности в возникающей области неопределенностей, где события и отношения вырезаются и реализуются.

Предположим, что койот, который остановил нас на дороге, предлагал отношения, более схожие с теми, которые он мог бы разделить с воронами, в которых мы могли бы и хорошо вместе играть, и успешно вместе охотиться, или по крайней мере такие, в которых игра и еда перепутаны так, что они не сразу распознаются людьми, склонными к редукции не-людей к базовым биологическим побуждениям. Предположим, что он хотел проверить возможности контакта, но в то же время с подозрением относился к тому, к чему может привести наше внимание. Чем койот не будет? Но если бы мы стали «играть», если бы предложили еду, способствовали ли бы мы отношениям человек-койот, которые рано или поздно обернулись бы плохо для койота? Может, лучший подарок, который мы могли бы на самом деле предложить – это сдержанность: нам надо было придержать себя, нашу еду, нашу игру? Мы не могли играть честь по чести, потому что игра была для нас преходящим моментом, а для него это была траектория к смерти. Нас по-прежнему преследует эта мысль: с койотами, которые в настоящее время живут в США, мы не можем выбрать игру и жизнь одновременно. Вопрос, который мы нашли столь занятным – «могут ли люди играть?» – теперь обнаружил свою легкомысленную и опасную сторону.

Возможно, в этом контексте вопрос этики заключается в том, чтобы занять позицию в наших запутанных отношениях, зная, что наши действия имеют своими последствиями жизнь и смерть. У Харауэй описание неожиданной встречи в зоне контакта невероятно пронизательно: «Кто вы и кто тогда мы? Вот мы, и, стало быть, кем

мы должны стать?» Мы не могли дать простодушный ответ на вопрос кто мы, потому что наши индивидуальности были основаны на видовой идентичности. Внезапно, в этот момент встречи и обращения, мы были вынуждены столкнуться с самими собой как членами вида, другие члены которого объявили войну койотам, воронам, черепахам и многим-многим другим. То, чем мы могли бы стать в зоне контакта, было таким образом ограничено, и становление пошло в сторону вывода: различные возможности были бы открыты и предопределены любой игрой, которую мы могли бы выбрать или иметь возможность участвовать в ней с другими. Уверенное приближение койота, как и танец воронов в воздухе с нами и вне нас, стал еще одним ударом молнии – игрой, исходящей из конфликтных историй гибели, рассеяния и защиты. Мы были поражены, и даже ранены, и нам хотелось отвернуться, представляя себе последствия, которые грянули бы выстрелом далеко за пределами времени нашего продвижения через часть национального парка.

Список литературы

- Bateson, G. (1973). *Steps to an Ecology of Mind*. London: Granada Publishing.
- Bekoff, M., & Byers, J. A. (1981). A Critical Reanalysis of the Ontogeny and Phylogeny of Mammalian Social and Locomotor Play: An Ethological Hornet's Nest. В К. Immelmann (Ред.), *Behavioral Development: The Bielefeld Interdisciplinary Conference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clifford, J. (1997). *Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ficken, M. S. (1977). Avian Play. *The Auk*(94), 578.
- Fox, C. (2009). Living with Coyotes in North America: Challenges and Opportunities. *The Minding Animals Conference, Newcastle, New South Wales, 13–18 July 2009*.
- Fox, C., & Papouchis, C. (2005). *Coyotes in Our Midst: Coexisting with an Adaptable and Resilient Carnivore*. Sacramento: Animal Protection Institute. Retrieved from <http://www.information.com/pdf/CoyoteBook.pdf>.
- Haraway, D. (1997). *Modest_Witness[at]Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*. New York and London: Routledge.

- Haraway, D. (2008). *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Heinrich, B. (2006). *Mind of the Raven: Investigations and Adventures with WolfBirds*. New York: Harper Perennial.
- Lehner, P. (1978). Coyote Communication. In M. Bekoff (Ed.), *Coyotes: Biology, Behavior, and Management*. New York: Academic Press.
- Massumi, P. B. (2002). Introduction: Like a Thought. In B. Massumi (Ed.), *A Shock to Thought: Expression after Deleuze and Guattari* (pp. 24-25). London & New York: Routledge.
- Murie, A. (1940). *Fauna of the National Parks of the United States: Ecology of the Coyote in the Yellowstone* (Fauna Series no. 4 ed.). Washington DC: United States Government Printing Office. Retrieved from http://www.nps.gov/history/history/online_books/fauna4/fauna3a.htm.
- Ortega, J. C., & Bekoff, M. (1987). Avian Play: Comparative Evolutionary and Developmental Trends. *The Auk*(104), 339.
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Sax, B. (2003). *Crow*. London: Reaktion Books.
- Scientists Estimate Risk of Raven Predation on Desert Tortoises in the Western Mojave Desert*. (2003). Retrieved from US Geological Survey: <http://www.usgs.gov/newsroom/article.asp?ID=160>
- Tribe, T. S. (2009, August 9). *History of the Timbisha Shoshone Tribe*. Retrieved from <http://www.timbisha.org/history.htm>

References

- Bateson, G. (1973). *Steps to an Ecology of Mind*. London: Granada Publishing.
- Bekoff, M., & Byers, J. A. (1981). A Critical Reanalysis of the Ontogeny and Phylogeny of Mammalian Social and Locomotor Play: An Ethological Hornet's Nest. B K. Immelmann (Ред.), *Behavioral Development: The Bielefield Interdisciplinary Conference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clifford, J. (1997). *Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ficken, M. S. (1977). Avian Play. *The Auk*(94), 578.

- Fox, C. (2009). Living with Coyotes in North America: Challenges and Opportunities. *The Minding Animals Conference, Newcastle, New South Wales, 13–18 July 2009*.
- Fox, C., & Papouchis, C. (2005). *Coyotes in Our Midst: Coexisting with an Adaptable and Resilient Carnivore*. Sacramento: Animal Protection Institute. Retrieved from <http://www.information.com/pdf/CoyoteBook.pdf>.
- Haraway, D. (1997). *Modest_Witness[at]Second_Millennium.FemaleMan©_Meets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*. New York and London: Routledge.
- Haraway, D. (2008). *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Heinrich, B. (2006). *Mind of the Raven: Investigations and Adventures with WolfBirds*. New York: Harper Perennial.
- Lehner, P. (1978). Coyote Communication. In M. Bekoff (Ed.), *Coyotes: Biology, Behavior, and Management*. New York: Academic Press.
- Massumi, P. B. (2002). Introduction: Like a Thought. In B. Massumi (Ed.), *A Shock to Thought: Expression after Deleuze and Guattari* (pp. 24–25). London & New York: Routledge.
- Murie, A. (1940). *Fauna of the National Parks of the United States: Ecology of the Coyote in the Yellowstone* (Fauna Series no. 4 ed.). Washington DC: United States Government Printing Office. Retrieved from http://www.nps.gov/history/history/online_books/fauna4/fauna3a.htm.
- Ortega, J. C., & Bekoff, M. (1987). Avian Play: Comparative Evolutionary and Developmental Trends. *The Auk*(104), 339.
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Sax, B. (2003). *Crow*. London: Reaktion Books.
- Scientists Estimate Risk of Raven Predation on Desert Tortoises in the Western Mojave Desert*. (2003). Retrieved from US Geological Survey: <http://www.usgs.gov/newsroom/article.asp?ID=160>
- Tribe, T. S. (2009, August 9). *History of the Timbisha Shoshone Tribe*. Retrieved from <http://www.timbisha.org/history.htm>